

XI ВСЕСОЮЗНАЯ СЕССИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ КРЫМА

20—24 сентября 1983 г. в Севастополе состоялась XI Всесоюзная сессия по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма, организованная сектором истории Византии Института всеобщей истории АН СССР, славяно-русским сектором Института археологии АН СССР и Херсонесским государственным историко-археологическим заповедником.

Профилирующей темой конференции были проблемы византийской культуры и византийского культурного наследия в истории средневекового Крыма. В работе сессии приняли участие свыше ста специалистов — историков, археологов, искусствоведов, лингвистов, нумизматов Москвы, Ленинграда, Севастополя, Свердловска, Тбилиси, Волгограда, Киева, Сухуми, Симферополя, Еревана, Краснодара и других городов Советского Союза.

Заседания проходили по секциям истории, истории культуры, истории искусства и археологии; в первый и последний дни работы сессии были проведены пленарные заседания.

На пленарном заседании, открывшем конференцию, после приветственного слова, с которым обратилась к участникам сессии секретарь Севастопольского горкома Компартии Украины З. Е. Шувалова, с докладом «Отличительные черты византийской культуры IV—VII вв.» выступила директор Института всеобщей истории АН СССР, заведующая сектором истории Византии член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова.

Доклад З. В. Удальцовой явился итогом ее многолетней работы в качестве одного из ведущих авторов и ответственного редактора 1-го тома коллективного труда «Культура Византии», выпущенного в 1984 г. издательством «Наука». Проинформировав аудиторию о структуре и содержании данного тома, З. В. Удальцова остановилась на наиболее сложных и спорных общетеоретических проблемах, с которыми столкнулся коллектив авторов при работе над изданием. Это — вопрос о содержании самого термина «культура» (включать ли в данное понятие только духовную или же и материальную деятельность человека), о соотношении общих закономерностей социально-экономического и политического развития общества и эволюции культуры, вопрос о континуитете и дисконтинуитете византийской культуры.

В ходе работы над «Культурой Византии», отметила З. В. Удальцова, авторский коллектив стремился применять методику типологизации, пытаясь выявить в едином культурно-историческом процессе эпохи средневековья как общие с ним закономерности развития византийской культуры, так и ее специфические особенности. Важным ориентиром для выделения византийской культуры из всей средневековой культуры Европы, Переднего и Ближнего Востока служили при этом такие факты: Византию отличала языковая и профессиональная общность в рамках единого государственного образования; в империи длительное время существовали крупные города — центры не только ремесла и торговли, но также культуры и образованности; в ней всегда сохранялись устойчивая государственность и централизованное управление. Исследуя взаимовлияния

государств и народов в сфере культуры, авторский коллектив исходил из убеждения в том, что византийская культура не только оказала воздействие на многие соседние страны, но и сама подвергалась постоянному влиянию культуры как племен и народов, населявших ее, так и сопредельных с ней государств.

Взаимовлияниям и взаимосвязям между Византией и соседними странами и народами была посвящена значительная часть докладов XI сессии.

В прочитанном на пленарном заседании докладе «Образ Византии в представлении „варваров“ VI—IX вв.» Г. Г. Литаврин (Москва) впервые в историографии проанализировал свидетельства источников VI—IX вв. с точки зрения выявления представлений «варваров» (прежде всего славян догосударственной эпохи) о Византии, ее внешней политике, дипломатии и официальной политической доктрине. Изложив те методологические принципы, которые необходимо соблюдать при изучении византийских источников, отличающихся, как правило, особой тенденциозностью при описании «варварского» мира, Г. Г. Литаврин показал, что формирующаяся знать «варварских» военно-политических союзов отвергала в эпоху конфронтации с империей основные имперские положения византийской политической теории и противопоставляла им свою систему идейно-политических воззрений, враждебных империи и призванных обосновать законность собственных притязаний на земли Византии.

Различные аспекты византино-готских, византино-болгаро-славянских и византино-русских взаимоотношений и культурных взаимовлияний были освещены в докладах В. П. Будановой (Москва), И. Н. Лебедевой (Ленинград), Р. А. Наследовой (Москва), М. Ю. Брайчевского (Киев), О. А. Белобровой (Ленинград), П. А. Раппопорта (Ленинград), Т. Ю. Ивакина (Киев), Ф. Д. Гуревич (Ленинград), Е. С. Столярик (Одесса), А. А. Рыбакова (Вологда), В. В. Кучмы (Волгоград), Я. Н. Щапова (Москва).

В. П. Буданова изложила в своем докладе выводы, к которым привел ее анализ свидетельств письменных источников о формировании вестготов и остготов. Эти свидетельства, по мнению докладчицы, показывают, что образование двух готских племенных союзов не было единовременным актом, имевшим место в III в., а являлось сложным историческим процессом, занявшим длительный период. Ускорению формирования этих союзов способствовало их переселение в пределы Византийской империи.

И. Н. Лебедева выступила с докладом «Повесть о Варлааме и Иоасафе в Византии и у восточных и южных славян». Она отметила, что среди многих версий Повести — одного из самых популярных памятников мировой литературы средневековья, известного более чем на тридцати пяти языках народов Азии, Европы и Африки, — важнейшее место принадлежит греческой, созданной в начале XI в. на Афоне на основе грузинской версии; греческая Повесть послужила оригиналом для многих переводов, в том числе и для древнеславянских. Анализ большой старославянской рукописной традиции Повести (при систематизации полных текстов которой докладчицей был использован метод, примененный в свое время Ф. Дэльгером при анализе рукописной традиции греческой версии Повести: разделение списков на группы по типам заглавий) позволил И. Н. Лебедевой выделить пять типов текста, среди которых три являются основными. Сравнительный анализ этих трех типов славянских текстов показал, что они представляют собой три перевода греческой Повести. Старейший из них уже вопел своими частями в русский Пролог (это, по видимому, русский перевод, сделанный в Киеве не позже начала XII в.); второй перевод — сербский, появляющийся в списках XIV в. на Афоне; третий — болгарский, сделанный на Афоне в Лавре св. Афанасия в XIV в. на основе повторного сличения сербского текста с греческим оригиналом и исправления многих частей этого сербского текста. И сербский и болгарский переводы Повести широко распространились в русской письменности XIV—XVIII вв., что еще раз свидетельствует о роли Афона как

центра создания общего фонда межславянской литературы в средние века.

Р. А. Наследова в докладе, «О чаше Крума и болгаро-славянских взаимоотношениях в начале IX в.» попыталась заново проанализировать содержащийся в «Хронографии» Феофана известный рассказ о так называемой чаше Крума, который в историографии обычно приводится как доказательство установления уже в самом начале IX в. дружественного союза между Болгарией и заселявшими прилегавшие к ней земли славянами, как свидетельство роста осознания последними своего этнического родства со славянским большинством населения Болгарского государства. По мнению Р. А. Наследовой, точный перевод всего пассажа Феофана о чаше Крума, как и показания других современных источников, заставляет внести коррективы в трактовку подобного рода. В своих взаимоотношениях с Болгарией в начале IX в. Славинии руководствовались в первую очередь стремлением отстоять свою независимость как от Византии, так и от Болгарского государства, их союз с Болгарией был продиктован соображениями собственной выгоды; присоединение Крумом Славиний к Болгарии было осуществлено военной силой, а не на добровольных началах.

М. Ю. Брайчевский предпринял попытку переадресовать упоминаемое В. Н. Татищевым (со ссылкой на «Хрущевскую» и «Раскольничью» летописи) письмо патриарха Фотия киевскому князю Владимиру Святому и митрополиту Михаилу Сирину, содержащее возражения против контактов с Римом и критику «латинской ереси». Докладчик на основе источниковедческого анализа этого и других документов, сюжетно соединивших имена Фотия, Михаила Сирина и киевского князя Владимира, высказал гипотезу о том, что в действительности письмо было адресовано не Владимиру Святославичу, жившему столетием позже Фотия и названного им на Русь митрополита, а кагану Аскольду, занимавшему киевский престол во время первого понтификата патриарха; все эти документы, по убеждению докладчика, были составлены после первого крещения Руси в 860 г., но позже, в середине XI в., передатированы и переадресованы книжниками Ярослава Мудрого, подготовлявшими канонизацию Владимира.

В зачитанном на сессии (за отсутствием автора) докладе Т. Чернышевой «Композиция „Дигениса Акрита“ и „Девгениево деяние“» доказывалось на основании анализа и сопоставления суммарных текстов византийского эпоса о Дигенисе Акрите с его восточнославянской версией — «Девгениевым деянием» — соответствие этих двух памятников. Особенности «Девгениева деяния» по сравнению с «Дигенисом Акритом» объясняются, по мнению Т. Чернышевой, тем пониманием греческого текста и тем художественным чутьем, которыми обладал переводчик; византийский эпос на Руси с необходимостью трансформировался в русский богатырский эпос свадебного типа.

Доклад О. А. Белобровой был посвящен одному из произведений византийской агиографии — Житию Феодора Едесского (IX в.). Докладчица проследила судьбу этого памятника византийской культуры на русской почве начиная со времени славяно-русского его перевода по спискам XIV—XV вв. (включение Жития Феофана Едесского в Великие Минеи Четьи, создание цикла миниатюр к Житию в традициях книгописной мастерской Ивана Грозного, переписка Жития в древнерусские сборники XVII—XVIII вв.).

П. А. Раппопорт выступил с докладом «Из истории киево-черниговского зодчества XII в. (К вопросу о русско-византийских архитектурных связях)». Отметив, что в развитии киевского зодчества первой половины XII в. наблюдается резкий перелом, сказавшийся как в строительной технике, так и в декоративных элементах зданий и даже их композиции, и напомнив, что последним известным памятником раннего типа считается церковь Спаса на Берестове, построенная до 1125 г., а первым памятником нового типа — Кирилловская церковь, сооруженная в самом на-

чале 40-х годов XII в., докладчик в результате более детального изучения отнес к ранней группе также собор Федоровского монастыря (1129 г.) и церковь Богородицы Пирогощей (1131—1136 гг.). П. А. Раппопорт пришел, таким образом, к заключению, что перелом в киевском зодчестве относится к концу 30-х годов; по его мнению, анализ изменений, происшедших в архитектуре, дает основание утверждать, что этот перелом связан со сменой мастеров. Строительство храмов нового направления началось, по убеждению докладчика, не в Киеве, а в Чернигове, где самым ранним памятником является собор Елецкого монастыря, воздвигнутый на рубеже XI и XII вв. или в самом начале XII в. После вокняжения в Киеве черниговского князя Всеволода Ольговича (1139 г.) строительная артель, построившая этот собор (а затем в Чернигове же церкви Борисоглебскую, Ильинскую, здание княжеского терема и два храма в Рязани), перешла в Киев; зодчие, начавшие на рубеже XI и XII вв. строительство в Чернигове, приехали из какого-то провинциального византийского центра, вероятно, по вызову князя Олега Святославича и находились под заметным влиянием романской архитектуры.

В докладе Т. Ю. Ивакина анализировались две свинцовые вислые печати с поясным изображением Феодора Стратилата и греческой надписью, найденные при раскопках ротонды в Киеве в 1976 и 1977 гг. Стратиграфия находки позволяет отнести их к послемонгольскому времени; по мнению докладчика, печати должны были принадлежать одному из высших сановников Византийской империи, имевшему достаточно тесные связи с Киевом (предположительно — патриарху Нилу, занимавшему патриарший престол с 1380 по 1388 г. и поставившему русским митрополитом Дионисия).

В докладе Ф. Д. Гуревич «Города Западной Руси XII—XIII вв. и Византия» были рассмотрены некоторые аспекты торговых и культурных связей западнорусских городов с Византией. Деятельность византийской строительной артели в Новогрудке и обнаруженные в этом городе при раскопках многочисленные византийские изделия свидетельствуют, как показала докладчица, о систематических связях между городами Западной Руси и Византией в указанное время.

Е. С. Столярик сообщила о новых поступлениях в коллекции Одесского государственного историко-археологического музея позднеримских и византийских монет, найденных на территории Одесской области; эти находки, являясь ценным источником для изучения денежного хозяйства, проливают дополнительный свет на ряд экономических и политических аспектов истории Днестро-Дунайского междуречья.

Материалы новых открытий легли в основу доклада А. А. Рыбакова «Византийская художественная традиция в живописи Северной Руси XIII—XVI вв.». Докладчик наглядно показал, что эта традиция сыграла важную роль в развитии художественной культуры Северной Руси, воспринявшей традиции античного искусства и познакомившейся с тщательно разработанной иконографической системой.

В докладе В. В. Кучмы «К вопросу о византийских традициях в русском военно-уголовном законодательстве XVII—XVIII вв.» была принята попытка проследить влияние византийских уголовно-правовых норм из сферы военного дела на внутреннюю организацию и дисциплину русской армии в период перехода России от сословно-представительной монархии к абсолютной. В качестве объектов сравнительного анализа были избраны, с одной стороны, статьи военно-дисциплинарного кодекса, общие для трех памятников византийского права («Стратегикон» Маврикия, «Воинский Закон», «Тактика Льва»), а с другой стороны, соответствующие по содержанию нормы кодексов русского права (Соборное Уложение 1649 г., Артикул Воинский 1716 г.). Докладчик пришел к выводу, что если византийское влияние на военно-уголовные нормы Соборного Уложения проявляется лишь в самом общем виде (преимущественно в плане заимствования юридической терминологии), то статьи Артикула Воинского испытали это влияние в самом конкретном и непосредствен-

ном смысле (аналогии в видах и составах военных преступлений; сходство в системе наказаний; общность принципов военно-уголовной репрессии). Причина такой рецепции византийского права на русской почве состоит в том, что византийские нормы (наряду с другими источниками) использовались Петром I при разработке уставов создаваемой в начале XVIII в. русской регулярной армии.

Доклад Я. Н. Щапова «Эклога законов в русской письменной традиции» был основан на многолетнем комплексном изучении им славянских текстов Эклоги в древнерусской письменности. Докладчик изложил историю всех четырех сохранившихся славянских текстов этого памятника, два из которых являются переводами отдельных частей Эклоги. Сравнительное изучение перевода и греческого текста позволило Я. Н. Щапову охарактеризовать переводчика и его работу. Вынести решение о месте перевода на основании его лексики, которая включает и древнерусские и южнославянские слова, можно лишь после специального лингвистического анализа, материал для которого предоставляет подготовленное Я. Н. Щаповым издание славянских текстов памятника.

В русле названной выше общей проблемы с докладами на секционных заседаниях по вопросу о византино-грузинских культурных связях выступили Н. Ю. Ломоури, М. П. Мургулия, Н. Угрелидзе, Н. А. Махарадзе (все — Тбилиси).

В докладе Н. Ю. Ломоури «Грузино-византийские культурные взаимоотношения в V—VI вв.» были рассмотрены три основных вопроса: первый касался конфессиональных противоречий в Восточной Грузии (Картли), два последующих носили методологический характер. Докладчик, опираясь на свидетельства грузинских, армянских и византийских источников, пришел к выводу, что в V—VI вв. в Картли господствовало диофиситство, а монофиситство вопреки мнению многих исследователей не играло сколько-нибудь значительной роли. Рассматривая методологию исследований, Н. Ю. Ломоури высказал убеждение в том, что неправомерно выдвигать принадлежность некоторых византийских деятелей к грузинской этнической среде в качестве доказательства вклада грузинской культуры в византийскую. Решающим является характер деятельности, самосознание, образование, круг интересов и язык данного деятеля. Докладчик высказал также (на основе исследования агиографических сочинений V—VI вв. и ранних грузинских базилик) свою точку зрения на тот принцип, которым следует руководствоваться при оценке византийских культурных влияний в Грузии: преимущественное значение, по его мнению, следует придавать не общим признакам, единым для византийской и грузинской культур, а особенностям, характерным для того или иного грузинского памятника и отличающим его от подобных же византийских памятников. Именно эти особенности дают возможность правильно оценить роль и удельный вес византийских влияний и показать самобытность местной культуры, несмотря на ее формальное сходство с византийской.

М. П. Мургулия в докладе «Андроник Комнин в грузинских источниках» попыталась уточнить характер тех родственных связей грузинского царского дома Багратиони с выдающимся представителем комниновского клана Андроником I, о которых говорят грузинская историческая литература и историческая традиция. Основываясь на осуществленном еще в 1941 г. акад. К. Кекелидзе критическом издании «Истории восхваления венценосцев», анонимный автор которой упоминает о пребывании Андроника Комнина при дворе грузинского царя Георгия III, М. П. Мургулия предприняла повторный анализ текста «Восхваления». Ей удалось выявить дополнительные аргументы в пользу предположения о том, что матерью Андроника могла быть Ката — дочь грузинского царя Давида Строителя, выданная замуж, по свидетельству грузинских источников и Зонары, за одного из представителей комниновского царского рода. Докладчица обратила внимание на то, что анонимный автор «Истории восхваления венценосцев» называет Андроника «племянником отца» грузинского царя Георгия III, Димитрия, который был сыном царя Давида Строителя

и братом Каты; Андроник и Георгий были, таким образом, двоюродными братьями. М. П. Мургулия обратила также внимание на то обстоятельство, что в тексте «Восхваления» имеются данные, позволяющие предположить, что Андронику Комнину были пожалованы титул и должность эриставт — эристава, на которые имел право только грузин родом. В пользу предположения о близком родстве Андроника Комнина с грузинским царским домом докладчица привела также свидетельство Никиты Хониата о приверженности Андроника к грузинским регалиям, а также известия патриарха Досифея и Павла Алеппского (XVII в.), касающиеся Московской церкви и ее ктитора (в одном случае — Андроника, в другом — Алексея).

Доклад Н. Угрелидзе познакомил слушателей с итогами изучения остатков стеклоделательной мастерской в Орбети (Восточная Грузия), функционировавшей в конце VIII—начале IX в. и изготовлявшей мозаичные кубики, цветные оконные стекла — витражи, кольца, браслеты, разнообразные стеклянные сосуды, чаши (как бытовые, так и ритуальные). Отметив большое мастерство ремесленников, применявших все методы художественной обработки стекла, а также превосходное знание ими технологии стекла и окраски его, докладчица высказала предположение, что, хотя к началу раннесредневековой эпохи стеклоделание в Грузии имело уже немалые традиции, оно обогатилось опытом византийских стеклоделов благодаря культурно-торговым и религиозным связям.

Н. А. Махарадзе дала тонкий филологический анализ фонологических и фонетических особенностей транскрипционного материала греческо-грузинской транскрибированной рукописи из Бейрута (XIV в.). Выявив разные хронологические пласты и разные локальные наслоения, она пришла к выводу, что здесь имела место двуязычная интерференция в ареале сосуществования коптского и греческого языков.

Византино-армянские культурные связи нашли отражение в докладах К. Н. Юзбашяна (Ленинград) и П. М. Мурадяна (Ереван).

К. Н. Юзбашян посвятил свой доклад выявлению роли греческого языка в древней и раннесредневековой Армении в сопоставлении с другими «чужими» языками — арамейским, персидским, сирийским, латинским. Отметив, что с проникновением христианства греческий язык (как и сирийский) отождествлялся с христианским знанием, К. Н. Юзбашян констатировал, что в переводной литературе Армении того времени четко обозначилось «грекофильское» течение — практика перевода путем рабского копирования греческого синтаксиса и широкого использования в словообразовании греческих моделей; в интеллектуальной сфере греческий был наиболее престижным языком.

П. М. Мурадян выступил с докладом об армянской церкви св. Георгия в Константинополе как о хранилище памятников византийской скульптуры; эти памятники, как полагает докладчик, были помещены в агиасме церкви армянами-монофиситами вскоре после захвата турками Константинополя.

В. А. Арутюнова-Фиданян (Москва) в докладе «Из истории социально-административной практики в Византии» коснулась вопросов византийского административного управления в Киликии в X—XII вв., показав на киликийском материале, в каких формах проявлялась в этот период социально-административная и политическая мысль Византии. Констатировав, что в состав Киликии входили как военно-административные округа империи, так и зависимые и полузависимые от империи армянские политические образования, докладчица стремилась показать, что армянские владетели, переселившиеся в Киликию со своими этериями и частью населения, становясь византийскими подданными, а иногда наместниками византийских округов, видоизменяли административную систему империи в духе развитых феодальных отношений, характеризовавших в этот период Армению.

Византино-кавказские сюжеты рассматривались И. В. Каминской и В. Н. Каминским (Краснодар).

В докладе «Лабинские варианты торгового пути из Средней Азии в Византию» И. В. Каминская попыталась, опираясь на изученные в последние десятилетия новые археологические памятники бассейнов рек Зеленчука, Урупа и Большой Лабы, определить торговые дороги, проходившие через кавказские Большелабинские перевалы и являвшиеся в раннее средневековье одними из ветвей «великого шелкового пути». Картография отдельных находок и археологических памятников, а также географическое положение и рельеф горных районов позволили докладчице впервые выделить три наиболее вероятных варианта этих торговых дорог.

В. Н. Каминский, выступивший с докладом «Одно из сочинений Константина Багрянородного и этническая карта Северо-Западного Кавказа в X веке», предложил новую, подтверждающуюся, по его мнению, археологическими материалами последних десятилетий локализацию областей Северо-Западного Кавказа, указанных в трактате Константина Багрянородного «Об управлении государством».

Доклад Л. Г. Хрушковой был посвящен раннехристианским церквям Абхазии (IV—VI вв.): определению функционального их назначения, разнообразных планов церквей, строительного материала, применявшегося при их возведении, изделий, употреблявшихся в конструкции или в качестве литургической обстановки, и т. п. Раннехристианские церкви Абхазии, как показала докладчица, характеризуют особенности культурной жизни края, в частности роль византийского воздействия, процесс христианизации местного населения; раннехристианское строительство в крае выявляет культурно-религиозные и архитектурные связи Абхазии с Малой Азией, Сирией и Палестиной.

В. П. Степаненко (Свердловск) в докладе «Византия и гибель графства Эдесского. 1149—1150 гг.» показал, что заключенное в 1150 г. между Византией и королем Иерусалима Бодуэном III соглашение о продаже империи шести крепостей графства Эдесского не было претворено в жизнь. Византия не смогла удержать за собой те две крепости из шести, которые были ей действительно сданы: в том же 1150 г. они были покинуты имперскими гарнизонами.

Постоянный научный интерес к проблеме истории средневекового города Северного Причерноморья как ремесленного и торгового центра, успехи археологических исследований, давших многочисленный и важный материал, обусловили то большое внимание, которое было уделено на сессии византийской Таврике в целом и отдельным наиболее крупным ее центрам, таким, как Херсонес, Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале.

Доклады по указанной проблематике были сделаны на пленарном заседании, на секциях истории, истории искусства, археологии.

На пленарном заседании с докладами по истории Херсонеса выступили директор Херсонесского государственного историко-археологического заповедника И. А. Антонова (Севастополь) и начальник Херсонесской экспедиции АН СССР С. А. Беляев (Москва).

Широко поставленные и систематически ведущиеся в последние годы раскопки позволили уточнить не только хронологию строительства крепостных ансамблей, но и, проследив периоды активного фортификационного строительства и его спады, историю самих крепостей. И. А. Антонова в докладе «Крепостное строительство в Херсонесе» показала, что оборонительное строительство в Херсонесе осуществлялось постоянно и диктовалось состоянием обороноспособности фортификационных сооружений. Наиболее активно оно проводилось в V—VI и в IX—XI вв. Оборона Херсонеса была глубоко эшелонирована и сочетала три основных элемента средневековой фортификации: внешнее кольцо ее составляли отдельные крепости и монастыри; далее располагались укрепленные усадьбы; оборонительные стены самого Херсонеса были последним защитным рубежом. Оборонительная линия на юго-востоке прошла через тальвег глубокой балки, загородив сток массы твердых осадков в бухту, которая являлась портом и гаванью города. Этот геологический фактор определил характер инженерных работ на юго-восточном участке обо-

роны, заставив строителей постоянно поднимать высоту стен и расширять основания башен. Именно этим объясняются три яруса кладки стен и «кольца» укреплений круглых башен. По мнению докладчицы, изменение западной линии обороны, включившее в состав крепости около двух гектаров площади, было проведено не в VI, а в IX—X вв., фактически протяженность крепостной ограды была уменьшена, а вновь присоединенная площадь предназначалась для жителей пригородных деревень и не подверглась застройке. Установленный И. А. Антоновой факт увеличения размеров крепости в IX—X вв. ценен тем, что его, видимо, можно поставить в связь с изменением в Византийской империи состава армии и тактики военных действий в VIII—X вв.

С. А. Беляев в докладе по исторической топографии византийского Херсонеса обратил внимание на то, что, несмотря на ведущиеся там на протяжении последних 150 лет раскопки, в результате которых была раскрыта примерно четверть византийского города и обнаружено много общественных, в частности культовых, построек и жилых домов, до сих пор фактически не было сделано попытки связать памятники с постройками, упомянутыми в письменных источниках. Докладчик выделил три временных пласта таких источников. Он остановился, в частности, на таких конкретных памятниках, как Уваровская базилика, Западная базилика, Пещерный храм. Уваровская базилика, по мнению С. А. Беляева, является тем зданием, которое под разными, но близкими названиями (храм св. Апостолов, храм апостола Петра, храм апостола Иакова) упоминается в источниках VII—XI вв. и определяется русской летописью как место крещения и венчания киевского князя Владимира.

Херсонесу и другим городам византийской Таврики были посвящены выступления Л. Г. Колесниковой (Севастополь), А. И. Романчук (Свердловск), В. Н. Даниленко (Симферополь), В. Н. Залеской, Е. Н. Мещерской (обе — Ленинград), А. Г. Герцена (Симферополь), С. А. Иванова (Москва), А. В. Белого (Бахчисарай), А. И. Айбабина, В. Л. Мыцы, И. А. Баранова (все — Симферополь).

Л. Г. Колесникова в докладе «Средневековый Херсон в системе Византийской империи (Вопросы культуры)» суммировала данные, полученные в результате изучения памятников искусства и архитектуры средневекового Херсона. Докладчица пришла к выводу, что для каждого определенного отрезка времени (на протяжении V—XIV вв.) культуре Херсона были присущи особенности византийской культуры, что их развитие шло синхронно и определялось спецификой внутренних политических и социально-экономических процессов, происходивших в Византийской империи и Херсоне; наряду с этим в духовной и материальной культуре Херсона нашли отражение контакты с окружающим его «варварским» миром.

Вопросы исторической и социальной топографии Херсонеса были рассмотрены в зачитанном на секции археологии докладе А. И. Романчук «Позднесредневековый Херсон. Историко-топографический аспект». На основе изучения плотности застройки городских кварталов Херсона XII—XIV вв., размеров и типов усадеб, содержания в них вещевого материала докладчица предприняла попытку определить историко-социальную топографию позднесредневекового Херсона и профессиональные занятия жителей отдельных городских кварталов. Раскопанные в усадьбах северного района печи позволили А. И. Романчук выделить там два квартала хлебопеков, а инвентарь и печи, в которых производилась обработка металлов, — монастырский квартал; для портового квартала, по мнению докладчицы, характерны более устойчивые размеры и облик усадеб. А. И. Романчук отметила достаточно высокий уровень проводившихся в этот период в городе работ по благоустройству, наличие регулирующего начала в процессе внутриквартальной застройки и в размещении производственных комплексов, значительную роль в Херсоне церкви (наряду с внутриквартальными храмиками-усыпальницами город имел «районные» храмы и монастыри). Изучение топографической структуры города позволило

А. И. Романчук получить данные для установления размеров как территории города, так и числа его жителей.

Целью доклада В. Н. Даниленко «Когда начались раскопки Херсонеса?» было показать ошибочность прочно утвердившейся во всей современной археологической литературе (после проведения в 1927 г. Всесоюзной конференции, посвященной столетию раскопок Херсонеса, и выхода в свет книги К. Э. Гриневича «100 лет херсонесских раскопок») даты начала раскопок Херсонесского городища (1827 г.). По мнению докладчика, этой дате противоречат публикации херсонесских монет уже в конце XVIII—начале XIX в. и старые планы Херсона, снятые задолго до раскопок Карейши; изданное в 1941 г. описание путешествия Жильбера Ромма неоспоримо свидетельствует о том, что раскопки города и некрополя были начаты намного раньше, сразу после присоединения Крыма к России, хотя до начала XIX в. они носили хищнический характер.

В. Н. Залеская ознакомила аудиторию с результатами проделанной ею работы по выявлению конкретных центров в Малой Азии и на Балканах, продукция которых экспортировалась в Северное Причерноморье. Атрибуция различных образцов византийского прикладного искусства, найденных в Херсонесе за последние десятилетия, а также «доработка» некоторых уже известных памятников, в ряде случаев подтвердив, конкретизировав или дополнив данные письменных источников, показала, что средневековый Херсон с X по XIII в. имел активные торговые связи с малоазийскими областями Вифинией, Пафлагонией, Каппадокией и Халдией, в частности с городами Эфесом, Амастридой и Трапезундом, а на Балканах — с Фракией и Македонией, в частности с Фессалоникой.

В докладе Е. Н. Мецерской «Сирийцы в Крыму» были изложены и проанализированы все известные разрозненные факты, свидетельствующие о пребывании в Херсонесе в VI—X вв. какой-то группы сирийского населения, принесшего в этот город свою письменность и культуру. Опираясь на данные археологического характера (предположение Ф. И. Шмита о том, что строительство крепости и базилики Эски-Кермена было осуществлено пришлой сирийской строительной организацией для местного населения в конце IV—начале VII в.), на свидетельства агиографических текстов (мнение ряда исследователей, что Константин Философ во время своего пребывания в Херсонесе в середине IX в. выучил там сирийский язык) и исторических сочинений VIII—IX вв. (рассказ «Хронографии» Теофана и «Бревиария» Никифора о том, что вместе с Юстинианом II из Херсонеса бежали два человека, носившие сирийские имена), Е. Н. Мецерская пришла к заключению, что в Крыму, в частности, в Херсонесе, следует, видимо, искать источник древнерусско-сирийских культурных контактов.

Ряд докладов был посвящен одному из наиболее дискуссионных вопросов истории средневекового Крыма — времени возникновения так называемых «пещерных городов».

В докладе А. Г. Герцена «О крепостном строительстве на Мангупе» была дана историческая интерпретация многолетних археологических исследований крепостного ансамбля этого города. По наблюдениям автора, во второй половине VI—первой половине VII в. на Мангупе создается хорошо развитая система обороны; в строительстве крепостного ансамбля в целом и отдельных его узлов отчетливо прослеживаются традиции и приемы позднеимперского военно-инженерного дела. Автор предположительно связывает крепость этого времени с Доросом, а в ее строительстве усматривает участие Херсонеса, связи с которым для населения Мангупа были определяющими до конца VIII в. В IX—X вв. Мангуп был малолюдной крепостью-убежищем, оказавшейся на византийско-хазарском пограничье, которую пытались использовать хазары. В строительных приемах этого времени выражены традиции военного зодчества Подонья и Северного Кавказа. Третий этап в развитии крепости относится к XIV—XV вв., когда она становится столицей княжества Феодоро, принимая на себя экономическую роль угасающего Херсонеса и приобретая черты фео-

дальнего города. В крепости производятся дополнительные сооружения, она имеет в это время классическую компоновку из трех основных элементов средневековой фортификации: главной линии обороны, второго рубежа и цитадели. С конца XV по середину XVIII в. Мангуп становится опорным пунктом турецкого владычества, но в связи с перемещением центра торгово-экономической жизни в восточные районы полуострова приходит в упадок. Оборонительные сооружения в этот период приспособляются к применению огнестрельного оружия. Территория крепостного полигона существенно сокращается за счет превращения второго рубежа в главный.

С. А. Иванов выступил с докладом «Страна Дори в свете семантической реконструкции Прокопия» в связи с двумя существующими в настоящее время теориями (южнобережной и «мангупской») о локализации страны Дори Прокопия. Проследив перекрестное соотнесение между собой всех контекстов, в которых Прокопий употребляет слово *χώρα*, и в особенности сравнив пассаж о Дори с контекстом II, 25, 1, докладчик пришел к выводу, что страна Дори, несомненно, имела одноименный центр, город Дори (будущий Дорос), и что, таким образом, письменный источник также свидетельствует в пользу «мангупской» локализации.

А. В. Белый попытался определить в своем докладе хронологию так называемой средней оборонительной стены «пещерного города» Чуфут-Кале. Интерес исследователей к обоснованности даты строительства этой стены особенно возрастает благодаря присущим ей архитектурным особенностям: аналогичные по характеру облицовки стены в различных вариациях известны во многих сооружениях Крыма. Новые данные, привлеченные докладчиком, свидетельствуют, по его мнению, в пользу того, что крепость на горе Чуфут-Кале была основана в IX — начале X в. в связи с изменившейся в то время политической ситуацией в Таврике.

Доклад А. И. Айбабина был посвящен дискуссионному вопросу о времени возникновения городища на горе Эски-Кермен. В отличие от предложенной в свое время Н. И. Репниковым и ставшей общепризнанной датировки поселения V веком докладчик пришел к заключению, что наиболее вероятным временем возникновения городища на Эски-Кермене является конец VI столетия. В пользу этого предположения им были приведены следующие доводы: в хранящейся в Эрмитаже и Бахчисарайском музее коллекции керамики с Эски-Кермена наиболее ранними являются фрагменты стенок красноглиняных амфор VI—VII вв.; самый ранний инвентарь, обнаруженный в результате раскопок 1978—1982 гг. в могильнике на Эски-Кермене, относится к первой половине VII в.; кладовая кладка не дает оснований для ранней датировки оборонительных стен и башен Эски-Кермена: она применялась и позднее на протяжении ряда столетий. По мнению А. И. Айбабина, найденная в начале XIX в. на Тамани надпись, согласно которой Стратилат Евпатерий, дука Херсона, возобновил храм на Боспоре, свидетельствуя о восстановлении в 590 г. византийского господства в Юго-Западном Крыму и на Боспоре, позволяет с большой долей вероятности предположить, что по распоряжению этого дуки и было начато строительство крепости на горе Эски-Кермен. В ней, судя по полученным при раскопках данным, был размещен отряд готов-аланских федератов.

Доклад В. Л. Мыцы «Новый византийский памятник Мангупа» касался открытого весной 1981 г. на южном склоне Мангупа памятника культового характера. Крестообразное одноабсидное здание было сооружено здесь в IX в., затем перестроено в крестообразный храм значительно больших размеров, сильно пострадавший от пожара в X в.; в XIV—XV вв. на его развалинах строится небольшая часовня, просуществовавшая до XVIII в. и имевшая вокруг себя могильники. Исходя из материалов раскопок храма и некрополя, докладчик приходит к выводу о том, что формирование христианской идеологии у населения Мангупа происходило под сильным влиянием и через культурные связи с Херсоном,

а строительство культовых сооружений Мангула — при участии византийских мастеровых.

Одному из наиболее значительных византийских городов в Северном Причерноморье — Сугдее был посвящен доклад И. А. Баранова «Византийская Сугдея. К проблеме формирования средневекового города». Докладчик проследил историю этого города в византийский период, начиная со времени первого его упоминания в источниках VI в. и вплоть до XIV в. В VI—VII в. Сугдея, как показал докладчик, представляла собой незначительное укрепление с прилегающим поселком и стоянкой для кораблей; главной задачей крепости на горе была охрана каботажного плавания византийских судов между Херсоном и Боспором. В VIII—IX вв. роль Сугдеи как религиозного, политического и экономического центра усиливается; ее население значительно возрастает за счет притока беженцев-иконопочитателей из Малой Азии. В X—XIV вв. формирование городской территории завершается, возводятся оборонительные сооружения в соответствии с современными требованиями фортификации. В половецкий и золотоордынский периоды Сугдея становится главным рабочим рынком и портом Таврики, а также центром транзитной торговли Южного Причерноморья и Средиземноморья с Русью и городами Золотой Орды. С этого времени Херсон уступает Сугдее главенствующее положение в регионе. Многоэтничность Сугдеи и ее округи способствовала формированию своеобразной культуры, в облике которой прослеживаются как византийские черты, так и культурные влияния народов Кавказа и мусульманского Востока.

А. И. Кумеч (Москва) на секции истории искусства выступил с докладом, посвященным датировке и художественным особенностям храма Иоанна Предтечи в Керчи. По мнению докладчика, датировка храма на основании эпиграфического и археологического материала VIII или X столетием неверна. Этому храму предшествовала, видимо, постройка X столетия, однако сохранившееся здание, как показали его композиционные и стилистические особенности, выявленные в результате последних реставрационных работ, техника кладки позволяют отнести его с наибольшей вероятностью к первой половине XIV столетия. Ближе всего оно сопоставимо с постройками Месемврии (Несебра) и Константинополя, что позволяет связать его с работой греческого мастера, хотя ряд черт обнаруживает в нем какие-то местные традиции.

Вопросы взаимовлияния и взаимопроникновения культур народов, составлявших византийский культурный круг, нашли освещение в выступлениях А. В. Банк (Ленинград), Ю. Л. Шаповой (Москва), А. Я. Каковкина (Ленинград), Т. В. Поповой (Москва), А. В. Пайковой (Ленинград).

А. В. Банк в докладе «Некоторые тенденции развития византийской скульптуры», привлекая открытия последнего времени, показала, что уже на раннем, доиконоборческом этапе можно обнаружить наличие разных художественных течений, определяемых, по-видимому, не только различием традиций отдельных центров, но и разной социальной средой. В период, непосредственно следующий за победой иконопочитания, в Греции просматривается известная ориентация на искусство Ближнего Востока, получающая более яркое выражение в последующие века, вплоть до эпохи крестовых походов. При Палеологах возрастают западноевропейские влияния, хотя и не прерывается полностью восточная струя. Некоторые скульптурные произведения Малой Азии сохраняют отпечаток раннехристианских традиций. Приверженность эллинистическим традициям на всем протяжении истории Византии в наибольшей мере была свойственна, по мнению А. В. Банк, аристократическим памятникам Константинополя.

Ю. Л. Шапова ознакомила аудиторию с новыми данными о ранневизантийских мозаиках. Поскольку в мозаичном наборе важнейшую роль играет стекло, а современные методы исследования древнего стекла по-

зволяют определять происхождение каждого отдельного предмета (так как традиция, существовавшая в Сирии и Римской империи, в Египте и самом Риме, определяла выбор сырья, соотношения, правила составления, рецептуру получаемой стеклянной массы), докладчица, основываясь на изучении химического состава мозаичных кубиков с нескольких поздне-римских и ранневизантийских памятников, сохранившихся на территории современной Армении и в Болгарии, показала, что для мозаичных полотен там использовалась смальта разного происхождения (из Египта, поставлявшего смальту оранжевого, красного и желтого цвета, из Сирии), хотя основная часть делалась в собственных мастерских, работавших в традициях провинциально-римского стеклоделия. Если производство смальты в Византийской империи было рассредоточено, то ее распределение, как это явствует из документов более позднего времени, было, скорее всего, централизовано и регламентировано.

А. Я. Каковкин в докладе «Ветхозаветная тематика в коптском искусстве» отметил прежде всего те важнейшие факторы, которые обусловили своеобразный характер христианства в долине Нила и специфику развития там христианского, «коптского» искусства, и констатировал распространение в коптском искусстве с конца IV—V в. христианских сюжетов с преобладающей ролью в них ветхозаветных сцен. Причины широкого распространения и длительного бытования (конец IV—XII в.) в коптском искусстве сюжетов и героев Ветхого завета крылись, по мнению докладчица, в их емком символизме, сильном воздействии диаспоры (особенно в период формирования и укрепления новой религии) и популярности ряда героев Ветхого завета у арабов, подчинивших себе Египет в 641 г.; символика ветхозаветных изображений в Египте нашла соответствия в исконной местной традиции — древнеегипетских эсхатологических и сотериологических представлениях.

В докладе «Византийский эпос и ветхозаветная историко-культурная традиция (Сопоставление треноса в византийском парафольклоре и Ветхом завете)» Т. В. Попова пришла к выводу, что ветхозаветная историко-культурная традиция проявилась в памятниках византийского парафольклора на трех уровнях: жанровой формы, поэтических образов и некоторых приемов описания.

Сравнительно-филологический анализ сирийского и греческого текстов оригинала Жития Алексея привел А. В. Пайкову к заключению, что не только первое сказание об Алексее, но и второе (вопреки единодушному мнению исследователей) является сирийским по своему происхождению и еще раз свидетельствует о весомом вкладе сирийцев в сокровищницу общевизантийской культуры.

В докладе О. Р. Бородина (Москва) «Перуджанская сумма — малоизученный источник по истории средневековой Италии» была проведена сверка статей этого юридического памятника VII в. (практического пособия, составленного в византийской зоне Италии и представляющего собой подробный конспект первых восьми книг Кодекса Юстиниана) с соответствующими статьями Кодекса для выявления между ними различий в целях получения информации по раннесредневековой истории Италии.

Ряд выступлений был посвящен различным аспектам духовной и материальной культуры собственно Византии, а также ее социально-экономической и политической истории.

А. И. Сидоров в докладе «Двенадцать ортодоксальных глав» Ефрема Антиохийского (Из истории идейной борьбы в Византии в первой половине VI в.)» подверг анализу изложенные в виде анафематизмов догматические тезисы этого патриарха и писателя. По мнению докладчица, значительный удельный вес антинесториянской полемики в «Главах» Ефрема (как и у многих неохалкидонитов) не позволяет согласиться с общепринятым взглядом, что несториянство, вытесненное после Халкидонского собора в Персию, не представляло реальной угрозы для византийской православной церкви VI в. Что касается борьбы Ефрема против монофиси-

тов, то его энергичное настаивание в «Главах» на православных положениях о «двух рождениях» Христа и сохранении природ после единения, подчеркивание им типично халкидонитских оборотов речи, а также непреклонное отстаивание авторитета Халкидонского собора позволяют сделать вывод, что попытки компромисса с монофиситством у Ефрема не влекли за собой принципиальных уступок, а носили чисто тактический, временный характер.

Доклад Т. Ю. Бородай был посвящен трансформации некоторых терминов аристотелевской логики у Иоанна Дамаскина. Ею были рассмотрены две группы терминов: «сущность», «природа» и «форма», с одной стороны, и «ипостась», «атом», «лицо», «лицо» — с другой. Эти две группы терминов приобрели первостепенную важность в связи с двумя проблемами, которых не знала античная философия и логика и которые выявились в ходе теологических споров. Первая проблема — чем отличается существование вещи от ее сущности, или бытие от природы; вторая — определение статуса личности: а) есть ли личность только самостоятельное существование (в этом случае она называется «ипостась»), б) обусловлена ли она неделимостью (тогда она называется «атом» — индивидуум), в) или личность есть набор определенных свойств, позволяющих отличить ее от других, как маску в театре (это будет «лицо»). Докладчица пыталась выяснить, как именно работает Дамаскин с логическим инструментарием Аристотеля при разрешении этих двух проблем.

А. А. Чекалова выступила с докладом «Эволюция зрелищ в ранней Византии». Она констатировала изменение характера зрелищ в византийских городах IV—VI вв. в связи с падением у городского населения интереса к общественной жизни. Воспитательная функция театра, отметила докладчица, теперь уступает место развлекательной: в театральных постановках откровенная зрелищность отесняет на задний план содержание. Прежнее многообразие театральных жанров свелось к весьма фривольному балету-пантомиму и к довольно грубой комедии — миму. В отличие от театра, который приходит в упадок (в новых городах театры вообще не возводятся), ипподром переживает подлинный расцвет; он вытесняет все иные виды зрелищ, становится театром по преимуществу и занимает важное место в архитектурном ансамбле города.

В. В. Бычков в докладе «Концепция образа в византийской эстетике VIII—IX вв.» проследил развитие теории образа в иконоборческий период, остановившись на концепциях Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, Никифора Константинопольского и материалах Седьмого Вселенского собора. Развернутая теория образа Иоанна Дамаскина складывается, как показал докладчик, из трех разделов: общей теории образа в ее онтологическом и гносеологическом аспектах, теории изображения и теории иконы. Седьмой Вселенский собор высоко оценил изображения, приравняв их по значимости к библейским текстам; на одно из первых мест он выдвинул нравственную значимость искусства; собор декларировал, что в изображении должна быть передана духовная сущность архетипа; на первое место были выдвинуты две функции миметических (подражательных) изображений — психологическая и догматическая. Феодор Студит, развивая идеи своих предшественников, во многом опирался на концепции неоплатоников и Псевдо-Дионисия Ареопагита. По Феодору, в изображении фиксируется визуализированная идея архетипа, или сущность вещи, данная в ее внешнем виде; она, по сути дела, — фотография неизменного «видимого образа» архетипа, его онтологического облика. При этом в изображении «видимый образ» выявляется для зрителя лучше, чем в самом архетипе. У Феодора, по мнению В. В. Быčkova, дано теоретическое осмысление того, что в византийском искусстве искусствоведы обозначают понятием «иконографический тип». Феодор дает наиболее полное определение «миметического изображения». Никифор Константинопольский разграничивает понятия описуемости и образимости, вводит в эстетику новую категорию «отношение изображения» для выявления

сущности живописного образа, разрабатывает концепцию «подобия» для миметического образа, обосновывает его преимущества перед образом символическим. В целом, заключает В. В. Бычков, в иконоборческий период окончательно сформировалась полная и многоаспектная теория живописного образа, составившая фундамент византийского и восточнохристианского искусства на многие века.

Л. Б. Милованова выступила с докладом «Некоторые вопросы иконоборческого движения по эпистолярным материалам VIII в.». Письма патриарха Германа подтверждают, по мнению докладчицы, традиционный вывод о том, что иконоборчество возникло в восточных провинциях Византийской империи в 20-е годы VIII в. и отнюдь не представляло собой исключительно константинопольский феномен, как это склонны считать некоторые исследователи (К. Манго, Э. Арвейлер). Аргументация Германа в защиту икон показывает, что иконоборчество не являлось результатом чужеродных влияний; сам Герман неоднократно подчеркивает, что заблуждения иконоборцев происходят из ошибочного толкования отдельных мест Священного писания и что, следовательно, разногласия возникли внутри одного учения.

И. С. Чичуров в докладе «Традиция и новаторство в политической мысли Византии конца IX в.» рассмотрел один из интереснейших памятников византийской политической мысли — «Поучительные главы», принадлежащие перу императора Василия I. Автор проанализировал те изменения в идеале императора, которые были им выявлены в высказываниях Василия I по сравнению с более ранними византийскими «зерцалами», особенно с «Поучительными главами» Агапита. Докладчик убедительно показал, что «неизменность» византийских представлений о государственной власти и об идеале императора лишь кажущаяся и вызвана весьма спорной молчаливой презумпцией континуитета и стабильности византийской идеологии, которая превалирует в зарубежной историографии.

Я. Н. Любарский выступил с докладом «Исторический герой в византийской хронографии IX—X вв.». Проследив эволюцию в характере и методах изображения исторического героя в указанный период, докладчик констатировал, что по сравнению с «Хронографией» Феофана, где исторический герой практически не оказывает влияния на развитие действия, в хронографии X в. роль героя в историографических произведениях значительно увеличивается, а в сочинениях так называемого Продолжателя Феофана уже обнаруживается тенденция к превращению истории в серию биографий. По убеждению докладчика, в основу научной истории византийской историографии следует положить не параллельное развитие двух независимых жанров — истории и хронографии (по К. Крумбахеру), а эволюцию изображения исторического героя, композиции, изобразительных средств, связанную с развитием представлений о двигательных пружинах истории.

С докладом «Характерные особенности литературы Никейской империи» выступил П. И. Жаворонков. Кратко охарактеризовав ряд изученных им разножанровых произведений эпохи Никейской империи, докладчик показал, что при всем жанровом многообразии и различных стилистических направлениях (народном и классическом) для литературы эпохи Никейской империи были характерны прежде всего три особенности: 1) обостренное внимание к событиям общественной и политической жизни, 2) развитие индивидуалистических тенденций, 3) глубокий интерес к античности, реставрация форм, идей и художественного мышления древних.

М. А. Поляковская в докладе «Жизнь и смерть в понимании Димитрия Кидониса» проанализировала трактат «О пренебрежении к смерти» этого византийского писателя XIV в. в целях выявления его философской основы мировосприятия. Докладчица отметила индивидуальный подход Димитрия Кидониса к традиционной для средневековья теме о значимо-

сти для человека жизни и смерти: его трактат не содержит аскетических или эсхатологических настроений; определяя основные параметры человеческой жизни, Кидонис не сводит ее к идеалу монашеского отшельничества, выделяя город в качестве идеала социума, а творческую деятельность человека как смысл его существования.

В. С. Шандровская выступила с докладом «Применение печатей в византийской практике по сообщениям письменных источников». Изучение письменных источников — договора русских с греками 945 г., «Книги эпарха», писем Лиудбранда, «Эклоги», «Прохирона», Новелл Льва VI, «Пиры» и др., а также печатей, хранящихся в Эрмитаже и других коллекциях, позволило докладчице констатировать, что опечатывание официальных документов, частной корреспонденции и товаров имело в Византии широкое распространение; наличие печати являлось свидетельством подлинности источника, придавало ему юридическую силу. В. С. Шандровская отметила, что печати при документах ведут свое происхождение от товарных пломб, которые использовались при опечатывании товаров в таможенных и на торговых складах; отсутствие в большинстве юридических источников терминологических различий в употреблении слова «печать» не позволяет уточнить, какие именно печати — прикладные или подвесные — имеются в виду в каждом отдельном случае. Особо остановилась докладчица на примерах юридической практики, приведенных в «Пире», — процедуре вскрытия завещаний, где фигурируют подвесные свинцовые печати как свидетелей, так и должностных лиц, связанных с судопроизводством и составляющих ведомство квестора. Перечень последних, подчеркнула В. С. Шандровская, важен для изучения некоторых существенных сторон юридической практики византийской дипломатики и административного строя Византии.

Доклад «Знак сокращения как датирующий элемент надписей на византийских моливдувах IX—X вв.» был прочитан И. В. Соколовой. Исследование печатей VIII—IX вв. привело докладчицу к убеждению, что одним из наиболее подвижных элементов надписи на них является знак сокращения, причем сравнение изменения его на печатях и монетах того же времени показало, что оно происходит параллельно. Это наблюдение позволило И. В. Соколовой попытаться датировать знак сокращения на печатях второй половины IX—X в., сравнивая печати с монетами того же времени.

В центре доклада К. А. Осиповой «К проблеме условной собственности в Византии» стояла проблема византийской пронии; на основании некоторых новых документов (фрагментов вновь открытого византийского податного трактата) докладчица предложила более раннюю датировку возникновения этого института в Византии (X—XI вв.).

В докладе «Афанасий I и византийское общество: некоторые проблемы взаимоотношений» Н. Д. Барабанов выступил с опровержением распространенного в историографии последних лет мнения о полной непопулярности константинопольского патриарха Афанасия I в современном ему обществе и об ожесточенном сопротивлении, которое оказывалось в церкви и в светском обществе его реформам. Детальное изучение данных нарративных источников и эпистолярного наследия патриарха позволяет, считает докладчик, заключить, что база, на которую опирался Афанасий I в период двух своих патриархатов, была весьма значительной, причем наиболее благоприятным было отношение к патриарху со стороны монашества и народных масс.

В докладе Л. Т. Авилушкиной сообщалось о том, что в Рукописном отделе Библиотеки АН СССР имеется рукопись (О № 7), которая датируется последней четвертью XVI в. и содержит «Хронику» Михаила Глики, оканчивающуюся 1059 г. Текст этого списка дает довольно значительное разночтение по сравнению с текстом, изданным в 1836 г. И. Беккером в Боннском корпусе, а характер разночтений позволяет говорить о том, что список БАН содержит иную редакцию «Хроники» Михаила Глики.

А. С. Козловым (Свердловск) был прочитан доклад «Основные направления современного византиноведения в Австрии». Констатируя по преимуществу филологический и источниковедческий характер изысканий «Венской школы» византинистов, докладчик отметил возрастание там исследований в области вспомогательных дисциплин (кодицилогия, сигиллография и т. п.); вместе с тем в австрийской византистике отчетливо проявляются попытки проследить социальный фон зарождения и функционирования изучаемых памятников.

На заключительном пленарном заседании сессии были заслушаны доклады К. В. Хвостовой (Москва) «Современный контент-анализ и поздневизантийские нарративные источники (на материале византийской историографии XIII в.)», С. П. Карпова (Москва) «Из истории культуры Трапезундской империи. Георгий Амерутци» и И. П. Медведева (Ленинград) «К вопросу о солнечном культе в философии Плифона (по материалам изучения плифонских автографов Марганы)».

К. В. Хвостова рассмотрела некоторые вопросы философии истории у Григоры и Пахимера. В отличие от тех византинистов, которые считают, будто высказываемый в трудах Григоры и Пахимера взгляд о возможности предвидения будущего на основе знания о настоящем является всего лишь общим местом мировоззрения византийских историков, К. В. Хвостова полагает, что эти представления отражают существенные, характерные черты восприятия византийскими историками действительности. Высказывая идею предвидения будущего, византийские историки, по мнению докладчицы, рассматривают общественное развитие как вероятностно-случайностный процесс. Используя свойственный той эпохе понятийный аппарат, они в своеобразной форме выражают ту мысль, что случайное событие, с одной стороны, есть результат совпадения многих факторов, а с другой — проявление необходимой тенденции. Но случайное не безгранично, существует поле возможностей, а именно набор добродетелей, которым должен располагать правитель (щедрость, благочестие и т. п.). У византийских историков можно обнаружить и идею вероятности происходящих событий. Это — судьба, вмешательство которой вносит неопределенность в деятельность людей и делает предвидение будущего лишь вероятным. Именно представления византийских историков о вероятностно-случайностном характере общественных явлений, отражая сущность их исторического мышления, могут быть использованы при наглядной репрезентации информации в соответствии с требованиями современной информатики.

С. П. Карпов попытался охарактеризовать некоторые типологические особенности формирования и развития культуры Трапезундской империи в XIII—XV вв. на основе анализа творчества видного трапезундского ученого XV в., философа, математика, географа, поэта, риторика и государственного деятеля Георгия Амерутци. В мировоззрении и политической ориентации Амерутци, как показал докладчик, нашли свое яркое отражение противоречия той сложной эпохи: отстаивая индивидуалистические концепции, придавая большое значение опытному знанию, а также глубокому изучению как платоновского, так и аристотелевского философского наследия, Амерутци разрабатывал многие проблемы, изучавшиеся итальянскими гуманистами тех лет; он прошел путь от латинфильства к антиуниатству, от участия в создании антиосманской коалиции государств Ближнего Востока во главе с Трапезундской империей к прямому туркофильству. И в творчестве, и в самой личности Амерутци проявился, по мнению С. П. Карпова, кризис традиционной морали византийского общества.

И. П. Медведев, полемизируя с итальянским ученым Э. Гареном и его последователями, привел новые данные, свидетельствующие о том, что нет оснований называть Плифона «пророком и верховным жрецом» соляристской идеологии в эпоху Ренессанса, а его религиозный культ — «платонизирующим солнечным культом». На основе изучения плифонских ав-

тографов, хранящихся в библиотеке св. Марка (Венеция), докладчик пришел к выводу, что Георгий Трапезундский, который говорил о плифонских гимнах солнцу и на свидетельства которого ссылаются Гарен и др., ошибочно приписал Плифону орфические и прокловские гимны к солнцу, переписанные Плифоном без указания источника в его известной рукописи *Magianus graecus 406*. В докладе убедительно показано, что Георгий Трапезундский вполне мог иметь доступ к этой рукописи, когда она находилась в библиотеке кардинала Виссариона в Риме.

Прочитанные и обсужденные на XI сессии византинистов доклады, обмен мнениями специалистов по кардинальным и частным вопросам, связанным с историей византийской культуры, ее отношениям с народами и государствами сопредельных стран, бесспорно, сыграют большую и плодотворную роль в последующих исследованиях культуры Византии.

Р. А. Наследова